

26 Плачущій камень. *)

У подножья Байдарскихъ воротъ, извѣстныхъ въ Крыму величественнымъ видомъ на море и разнообразныя скалистые выступы Яйлынскаго хребта, — до настоящаго времени существуетъ маленькое селеніе Мухалатка, а за нимъ урочище Кастропуло, сохранившее слѣды нѣкогда бывшаго христіанскаго поселенія съ крѣпостнымъ замкомъ, воздвигнутымъ надъ высокимъ отвѣстнымъ берегомъ моря, вслѣдствіе чего вѣроятно и называлось Кастропуло т. е. крѣпосою.

Урочище это, изрѣзанное глубокими оврагами и выдвинувшими черными шиферными буграми, носитъ отпечатокъ страшной дѣятельности вулканическихъ силъ: кругомъ покоятся развалины огромныхъ известковыхъ горъ въ видѣ округленныхъ массъ, какъ будто предназначенныхъ въ боевые снаряды противъ злыхъ шайтановъ.

Такая величественная картина величавой дѣятельности огненныхъ силъ между моремъ и громадными сѣрыми отвѣсами Яйлы, производитъ ужасающее впечатлѣніе на непривычный глазъ. Даже туземцы не равнодушно пробираются по тропинкамъ этой мѣстности, въ особенности въ осенніе и весенніе вѣтряные дни, когда ураганы заставляютъ трещать и ломаться вѣковые деревья.

Относительно причинъ, вызывающихъ эти страшныя бури, у мѣстныхъ поселянъ придумано было, какъ бы въ назиданіе или утѣшеніе людямъ, множество легендъ, которыя передавались старухами даже въ мое дѣтство въ Кикенеизъ и Алушкѣ; но теперь онѣ или совершенно забыты или признаны за бессмысленныя сказки людьми, заинтересованными матеріальными благами.

Мнѣ помнится только, что бури эти, по ихъ мнѣнію, ежегодно въ урочные дни отправляла природа какъ тризну на память преждевременно погибшихъ благодѣтелей человѣческаго рода; но къ сожалѣнію я не могу припомнить всѣхъ подробностей этихъ поэтическихъ эпосовъ, исполненныхъ игривой фантазіи впечатлительной природы древняго грека.

Въ памяти моей сохранилось преданіе о черномъ камнѣ, лежавшемъ невдале отъ тропинки, ведущей изъ Кастропуло въ Мухалатку и то только потому, что мнѣ лично пришлось ночью слышать какіе-то неясныя звуки, похожіе на непрерывныя и протяжныя стоны умирающаго человѣка **). Стоны эти, по словамъ туземцевъ, раздаются искони въ извѣстную часъ безлунной ночи, вслѣдствіе чего камень этотъ названъ камнемъ стоновъ или плачущимъ. Но такъ какъ первобытному жителю этой мѣстности необходимо было объяснить дѣтямъ причины такого непонятнаго явленія, то надо было создать назидательную повѣсть, въ кото-

*) Татары называютъ его Хутурлу-ташъ т. е. бѣшенный или паршивый камень.

**) Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ заключается какая-нибудь естественная причина въ родѣ отверстія въ камнѣ или приподнятаго положенія.

рой проявилось бы вліяніе карающей руки Провидѣнія за преступныя дѣянія.

Легенда эта повидимому отнесена къ временамъ архіепископства на южномъ берегу Св. Іоанна Готескаго, потому что начинается слѣдующимъ образомъ:

«Въ то блаженное время, когда между нами постоянно находился святой митрополитъ, когда онъ освящалъ своими босыми ногами наши тропинки, соединяющія одно селеніе съ другимъ; когда онъ своеручно окроплялъ наши хижины святою водою и вносилъ въ нихъ священные запасные дары, — одна изъ злыхъ женщинъ, которую святитель постоянно обличалъ въ безнравственно-преступныхъ поступкахъ, рѣшилась избавиться отъ него навсегда. Для достиженія задуманнаго, она, узнавъ что митрополитъ не рѣдко проходитъ по ночамъ изъ Мухалатки на Ай-тодоръ, въ одну темную ночь засѣла, около тропинки, подъ кустомъ съ дубиною въ рукахъ. Цѣль ея была поразить митрополита внезапнымъ ударомъ по головѣ.

Угодникъ Божій, не подозрѣвая подобнаго замысла, по обыкновенію шелъ медленнымъ шагомъ по извѣстной ему дорожкѣ, но какъ только поравнялся съ кустомъ получилъ сильный ударъ въ плечо.

„Ай, да окаменѣешь злодѣй! невольно вырвалось у него съ зыбка — и онъ упалъ на землю, лишившись чувствъ.

На слѣдующій день жители ближняго селенія переноса архипастыря къ себѣ, замѣтили за кустомъ большой почернѣвшій камень, котораго здѣсь не было раньше. Откуда и какимъ образомъ онъ появился? вопрошали они другъ друга, но впоследствии когда святитель рассказалъ о происшедшемъ и народъ догадался, кто могъ совершить такое коварное посягательство на жизнь святаго старца, всѣ единогласно предали виновницу анаемѣ съ тѣмъ, чтобы прахъ ея никогда не подвергся тлѣнію и чтобы непрерывными стенами напоминалъ прохожимъ о страшномъ злодѣяніи.

Съ той поры камень этотъ въ урочный часъ мрачной ночи начинаетъ свою скорбную пѣснь, которая по мнѣнію рассказчицы, прекратится только тогда, когда настанетъ день страшнаго суда и когда грѣшный духъ блудницы повергнутъ будетъ въ пламень ада.

24 Огузь-оглу.

(Сынь-вола).

Подъ этимъ названіемъ существуетъ и теперь въ Евпаторійскомъ уѣздѣ небольшое татарское поселеніе, расположенное въ 4-хъ верстахъ отъ морскаго берега. За нѣсколько лѣтъ до Крымской войны я посѣтилъ его, въ качествѣ охотника, въ полномъ убѣжденіи, что нигдѣ на Крымскомъ полуостровѣ не представляется такого изобилія дичи. И дѣйствительно я не обманулся въ предположеніяхъ. Вся почти Огузь-оглинская степь покрыта была стадами дровъ, стрепетовъ и лежей, а на прибрежьи тыся-

чами плавали лебеди, пеликаны, гуси, гагары, утки и множество других морских птицъ.

Пораженный такимъ необыкновеннымъ сборищемъ пернатыхъ жильцовъ, я началъ допрашивать проводника: отчего именно здѣсь, а не въ другой мѣстности, сосредоточивается такая масса птицъ?

— Объ этомъ наши старики рассказываютъ различно—отвѣчалъ онъ.—По предположенію однихъ оттого, что предки наши обязаны были клятвою никогда не ловить и не убивать птицъ небесныхъ; по другимъ же онѣ обитаютъ здѣсь только потому, что безъ малѣйшаго препятствія разводятся на островѣ, къ которому никогда не приближался человѣкъ.

— Гдѣ же этотъ островъ?

— Онъ находится въ полуверстѣ отъ берега и надо полагать переполненъ птичьими гнѣздами.

Вскорѣ мы подошли къ морю, берегъ котораго заваленъ былъ массами разнообразныхъ раковинъ, въ виду котораго разстился сърою полосой небольшой островъ. Онъ буквально покрытъ былъ милліонами морскихъ птицъ.

— Ты мнѣ говорилъ—сказалъ я проводнику—что предки твои обязаны были клятвою никогда не ловить и не убивать птицъ небесныхъ. Не извѣстно ли тебѣ, что понудило ихъ къ этой клятвѣ?

— Мнѣ рассказывали въ дѣтствѣ, что на это мѣсто первыми поселенцами явились неизвѣстно откуда какія-то вооруженныя дѣвицы. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ, они подверглись нападенію со стороны дикарей, пришедшихъ изъ лѣсовъ съ цѣлью захватить ихъ живыми. Послѣ отчаянной и продолжительной борьбы, бѣдняжки заявили царицѣ своей, что не въ состояніи будутъ долго защищаться.

„Въ такомъ случаѣ намъ придется,—отвѣчала она—или умереть, или предаться въ неволю.

— Въ крайности мы всѣ бросимся въ море—сказали дѣвицы.

— Отлично. Я первая покажу вамъ дорогу, какъ мать-царица.

На слѣдующій день возобновилась битва съ такимъ ожесточеніемъ со стороны обитателей лѣсовъ, что дѣвицы вынуждены были броситься въ морскія волны; но въ то время, когда каждая изъ нихъ мечтала о смерти, предъ ними приподнялась земля и образовался островъ съ безчисленнымъ множествомъ раковинъ. Такимъ образомъ Аллахъ избавилъ ихъ и отъ смерти и неволи.

Неожиданность эта изумила дикарей, но такъ какъ они не могли понять, что подобное чудо совершается только Богомъ, то и положились пробраться на островъ, гдѣ удобнѣе было переловить ихъ всѣхъ живыми. Для достиженія цѣли начальникъ распорядился, чтобы воины его доставили лѣсной матеріалъ, съ котораго связаны были плоты и спущены на воду. На нихъ помѣстились отважные воины и высадились безпрепятственно на островъ. Загнѣвъ, по мановенію руки предводителя, бросились на беззащитныхъ женщинъ. Но прежде, чѣмъ имъ удалось добѣжать до нихъ, съ ост-

рова поднялась на воздухъ стая разнообразныхъ птицъ, исчезнувшихъ въ степной дали. На этотъ разъ Господь окончательно спасъ благочестивыхъ женщинъ отъ злодѣевъ. Вотъ почему наши предки предполагали, что птицы, населяющія ихъ степи, есть тѣ самыя дѣвицы, которыя повелѣніемъ Аллаха приняли этотъ видъ—и по ихъ мнѣнію убить одну изъ нихъ равнялось убійству человѣка. Къ счастью убѣжденіе это въ наше время многимъ кажется не вѣроятнымъ, но при всемъ томъ не найдется въ деревнѣ нашей ни одного пожилаго человѣка, который позволилъ бы себѣ застрѣлить птицу.“ Къ вечеру мы возвратились въ деревню съ цѣлымъ возомъ дичи, которую никто изъ туземцевъ не захотѣлъ ни приготовить, ни укладывать для отправки въ Евпаторію. Такое упорное суевѣріе заставило меня отказаться отъ дальнѣйшаго пребыванія въ этой мѣстности. Слухъ объ отъѣздѣ моемъ повидимому очень понравился старикамъ, потому что они не замедлили явиться ко мнѣ для пожеланія счастливаго пути. Понятно, что я пустился съ нѣкоторыми изъ нихъ въ разговоры о житьѣ-бытьѣ на этомъ отдаленномъ отъ городовъ побережьи и какъ-то случайно спросилъ: почему поселеніе ихъ носитъ названіе Сынъ-вола?

Старики съ улыбкою переглянулись и навѣрно скрыли бы отъ меня истину, еслибъ я ограничился ихъ уклончивыми отвѣтами. Но такъ какъ я съумѣлъ затронуть ихъ честолюбіе, то вотъ что сообщилъ мнѣ одинъ изъ нихъ по этому поводу.

„Въ давноминувшія времена здѣсь было обширное поселеніе, которому обитатели не могли придумать приличнаго названія. Споры ихъ не рѣдко доходили до брани и все таки не рѣшали дѣла. Какъ вдругъ одному изъ самыхъ бѣднѣйшихъ поселанъ удалось открыть въ землѣ полный кувшинъ золотыхъ монетъ, которыя по общему мнѣнію охранялись злымъ духомъ, въ образѣ быка. Всѣ были рады счастью бѣдняка, за исключеніемъ мѣстнаго муллы, который день и ночь обдумывалъ какимъ бы образомъ отобрать въ пользу свою эту находку.

Думалъ, думалъ и придумалъ явиться къ счастливицу въ качествѣ хозяина золота. Но какъ сдѣлать? Алчный духовникъ рѣшается зарѣзать вола и облечься въ его шкуру на голое тѣло. При помощи жены и дочерей все было отлично исполнено. Шкура туго облекла его станъ, роги держались какъ слѣдовало. И вотъ ровно въ полночь мулла входитъ въ хижину бѣдняка и начинаетъ требовать кувшинъ съ золотыми монетами.

— Какъ ты осмѣлился несчастный похитить мое достояніе? закричалъ онъ—да я сотру твое тѣло въ золу, а душу снесу въ центръ ада. Сейчасъ возврати мою собственность!

Несчастный поселанинъ въ полной увѣренности, что предъ нимъ явился тотъ самый духъ, который по народному предположенію, въ образѣ вола, охранялъ найденное имъ золото, растерялся до такой степени, что поспѣшилъ выставить кувшинъ съ сокровищемъ съ тѣмъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ чудовища. Что же вышло потомъ? Мулла бѣгомъ возвратился домой,

скрыть золото и хотѣлъ было сбросить съ плечь воловью шкуру. Но увя она такъ плотно приросла къ его тѣлу, что всѣ уси-
лія остались напрасными. Несчастный въ иступленіи бѣгалъ по
деревнѣ, проклиная свою алчность и безуміе. Всѣ громко издѣ-
вались надъ нимъ и каждый предлагалъ по своему разуму сред-
ство избавиться отъ тяжелой и безобразной ноши. Но когда всѣ
совѣты оказались хороши только на словахъ, мулла порѣшилъ
прожить въ воловѣй шкурѣ до конца своей жизни. Когда же
иноземцу приходилось допрашивать у него о такомъ небываломъ
чудѣ, онъ отвѣчалъ:

— Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: мой отецъ
былъ волъ и я сынъ-вола.

Этимъ отвѣтомъ онъ присвоилъ безыменному селенію наше-
му названіе *Оузз-олу* (т. е. Сынъ-вола), которымъ оно и назы-
вается до настоящаго времени.

28 Фіалка и гвоздика.

Какіе изъ дикихъ цвѣтовъ могутъ сравняться запахомъ съ ди-
кою фіалкой и садовой гвоздикой? Туземцы Крыма говорятъ, что
никогда не было и не будетъ запаха пріятнѣе этихъ цвѣтовъ;
что ароматъ ихъ даетъ понятіе о красотѣ, блаженствѣ и преле-
сти загробной жизни.

„Еслибъ не было этихъ восхитительныхъ цвѣтовъ—говорила
мнѣ одна молодая гречанка—я быть можетъ не чувствовала бы той
привязанности къ жизни, которая оживляетъ меня. Когда я вды-
хаю въ себя запахъ фіалки, мнѣ представляется міръ неизясни-
мымъ торжествомъ, въ сіяніи неизяснимаго блаженства; когда
же мнѣ подають букетъ махровыхъ гвоздикъ, я погружаюсь въ
какое-то упоительное безпредѣльное наслажденіе, которое не въ
состояніи выразить нашъ грубый языкъ. Говорятъ что чувство
это не можетъ сравняться даже съ первымъ поцѣлуемъ той осо-
бы, которая любима всѣми силами души“.

Армянки и татарки съ особеннымъ удовольствіемъ воспитыва-
ють эти нѣжныя растенія передъ окнами своихъ жилищъ и по-
цѣлымъ иногда часамъ всматриваются въ ихъ бархатные лепест-
ки. Преклоняясь къ нимъ, чтобы вдохнуть живительный ароматъ,
онѣ тихо вздыхаютъ; но о чемъ? О чемъ-то восхитительномъ, о
чемъ-то, чего не существуетъ въ мірѣ, о чемъ-то такомъ, кото-
рое могло бы вѣчно восхищать душу и сердце. Бѣдныя дѣвушки!
напрасны ваши вздохи, потому что нѣтъ въ мірѣ ни единого ра-
зумнаго существа, которое и сегодня и завтра могло бы услаж-
дать васъ такимъ отраднымъ чувствомъ, которое доставляетъ
вамъ обоняніе очаровательной фіалки или неподобной гвоздики.

Для кого и какимъ образомъ создались эти восхитительные цвѣ-
ты? Неужели для животныхъ, которыя беспощадно обходятся съ
растеніями? Этого не можетъ быть. Ясно, что фіалка и гвоздика

созданы не подъ вліяніемъ одной потребности насытить теленка
или голодную лошадь.

Подобныя идеи повидимому зарождались очень часто въ голов-
кахъ любителей цвѣтовъ и послужили основаніемъ старухамъ
придумать подходящую легенду. Вотъ содержаніе ея:

„Въ одномъ дворѣ жили двѣ дѣвицы одного возраста смуглыя
отъ природы. Онѣ никого не могли прельстить своею наружно-
стію, но всѣ, кто зналъ ихъ, считали ихъ за два добродѣтельныѣй-
шихъ ангела. Весь день онѣ проводили въ трудахъ, содѣйствуя
бессильнымъ или слѣпымъ одинокимъ старушкамъ въ мытьѣ бѣлья
и приготовленіи пици. Покончивъ это, онѣ отправлялись на ночь
къ больнымъ и употребляли всевозможныя усилія забавлять ихъ
и дѣлать угодное.“

Но такъ какъ не всегда этимъ добрымъ дѣвушкамъ приходи-
лось подымать съ постели больныхъ, то онѣ повергались въ уны-
ніе и не рѣдко проливали слезы въ сознаніи своего безсилія.

— „Ахъ Фіалка—говорила одна подруга другой—еслибъ мнѣ
пришлось бы найти на нашихъ лугахъ такой ароматичный цвѣ-
токъ, запахъ котораго превосходилъ бы всѣ существующіе аро-
маты, я была бы увѣрена, что многіе изъ молодыхъ больныхъ
нашихъ не умирали бы. Охъ, какъ печально закрывать на вѣки
глаза начинающимъ жить!“

— Мнѣ также не рѣдко приходила эта мысль—отвѣчала Фіал-
ка. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть пріятнѣе для человѣ-
ка, когда онъ дышетъ чѣмъ-то такимъ, которое съ упоеніемъ
проникаетъ въ его душу и тѣло. Я тѣхъ же убѣжденій, что еслибъ
намъ удалось найти цвѣтокъ съ очаровательнымъ запахомъ, мы
спасли бы многихъ отъ преждевременной смерти. Знаешь, что
Гвоздика, пойдемъ когда-нибудь въ нашъ лѣсной гротъ и попро-
симъ отъ чистаго сердца добрыхъ духовъ, чтобы они указали намъ,
гдѣ растутъ такіе прелестные цвѣты?

— Я послѣдую за тобою не только въ гротъ, но и повсюду,
куда ты меня позовешь. А помнишь ли ты, что въ гротъ съ прось-
бами ходятъ только однажды въ годъ и именно тогда, когда день
и ночь уравниваются.

— Помню, помню моя дорогая Гвоздика, а такъ какъ до этого
времени не приходится долго ожидать, то мы начнемъ заранѣе
молить Бога, чтобы онъ посодѣйствовалъ намъ въ благихъ на-
мѣреніяхъ.

Нѣсколько недѣль спустя наступилъ ожидаемый подругами день.
Пробудившись съ разсвѣтомъ, онѣ тщательно омылись и, надѣвъ
чистое бѣлье, стали на молитву, которую не прерывали до той
минуты, пока не наступило время идти въ волшебный гротъ. Ти-
хая ночь и яркое сіяніе небесныхъ звѣздъ служили неразлучнымъ
подругамъ единственными проводниками къ мѣсту, куда не рѣша-
лись подступать храбрѣйшіе изъ молодыхъ людей. Безъ малѣйша-
го страха онѣ вступили въ мрачную пещеру и поверглись на
колѣни.